

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 3, Pp. 525–539, 2024
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 322

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-525-539

Положение религиозных общин в Туве в контексте становления советской системы государственно-конфессиональных отношений в середине 1940-х гг.

Петр Константинович Дашковский¹, Айлаана Витальевна Монгуш^{2,3}

¹ Алтайский государственный университет (д. 61, пр. Ленина, 656049 Барнаул, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой

 0000-0002-4933-8809. E-mail: [dashkovskiy\[at\]fpn.asu.ru](mailto:dashkovskiy[at]fpn.asu.ru)

² Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (д. 4, ул. Кочетова, 667000 Кызыл, Российская Федерация)
научный сотрудник

³ Алтайский государственный университет (д. 61, пр. Ленина, 656049 Барнаул, Российская Федерация)
лаборант

 0000-0002-3164-1463. E-mail: [aylaana.vitalyevna\[at\]mail.ru](mailto:aylaana.vitalyevna[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Дашковский П. К., Монгуш А. В., 2024

Аннотация. *Введение.* После Великой Отечественной войны в СССР меняется религиозная политика, которая в целом в стране вначале характеризуется ее смягчением по отношению к религиозным направлениям, а затем трансформируется в сторону ее ужесточения. Об этом свидетельствуют исторические факты на региональном уровне, в том числе и исторические события, происходившие в Туве в рассматриваемый период. После вхождения в 1944 г. бывшего независимого государства — Тувинской Народной Республики в состав СССР в статусе автономной области РСФСР регион стал включаться в правовое поле советского государства и регулироваться советским законодательством. Буддийские, православные, старообрядческие и протестантская общины Тувинской автономной области с этого момента подпали под государственно-конфессиональную политику СССР в послевоенные годы. *Цель статьи* — исследование положения религиозных общин в Туве в контексте государственно-конфессиональной политики СССР в середине 1940-х гг. *Материалы и методы.* Источниковой базой исследования послужили документы из фонда Государственного архива Российской Федерации. В научный оборот вводятся новые архивные материалы, отражающие особенности взаимоотношения религиозных общин и государственных органов власти центрального и регионального уровней. Интерес представляет деятельность местных религиозных объединений и их духовенства. *Результаты.* В результате сложной, нелинейной и неоднозначной религиозной политики в стране после Великой Отечественной войны, направленной на использование религиозных объединений в государственных целях, в Тувинской области из всех существующих религиозных объединений официальную ре-

гистрацию и возможность вести законную религиозную деятельность удалось получить лишь православным верующим. Остальным представителям конфессий, включая подавляющую часть религиозного населения — буддистам, на протяжении всего изучаемого времени не дали официального разрешения на законное существование, и им пришлось находиться в нелегальном положении. Авторам на основе имеющихся исторических документов удалось частично восстановить историю религиозных институций и хронологию событий тех лет, связанных с религиозной жизнью населения области в исследуемый период.

Ключевые слова: государственно-конфессиональная политика, Тувинская автономная область, СССР, религиозные общины, буддизм, православие, старообрядчество, баптизм

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Влияние имперской политики аккультурации и советской модели государственно-конфессиональных отношений на положение религиозных общин в приграничных регионах и национальных автономиях азиатской части России» (№ 23-18-00117, <https://rscf.ru/project/23-18-00117/>).

Для цитирования: Дашковский П. К., Монгуш А. В. Положение религиозных общин в Туве в контексте становления советской системы государственно-конфессиональных отношений в середине 1940-х гг. // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 3. С. 525–539. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-525-539

Faith Communities of Tuva and the Mid-1940s Shaping of the Soviet Government-Religion Relations System

Petr K. Dashkovskiy¹, Aylaana V. Mongush^{2,3}

¹ Altai State University (61, Lenin Ave., 656049 Barnaul, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor, Head of Department, Head of Laboratory

 0000-0002-4933-8809. E-mail: dashkovskiy[at]fnpn.asu.ru

² Tuvan Institute for Humanities and Applied Socioeconomic Research (4, Kochetov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation)

Research Associate

³ Altai State University (61, Lenin Ave., 656049 Barnaul, Russian Federation)

Laboratory Assistant

 0000-0002-3164-1463. E-mail: aylaana.vitalyevna[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Dashkovskiy P. K., Mongush A. V., 2024

Abstract. Introduction. In the direct aftermath of the Great Patriotic War, the Soviet religious policy changed and initially started being characterized nationwide by somewhat mitigated attitudes towards faith movements and religion in general — only to experience another harder line soon. This is evidenced by historical facts at regional levels, including the events witnessed by the then Tuva. After the once independent Tuvan People's Republic joined the Soviet Union as autonomous region of the RSFSR in 1944, it started being incorporated into the Soviet legal framework and regulated by Soviet legislation. Thus, the Buddhist, Orthodox Christian, Old Believer and Protestant communities of Tuvan Autonomous Oblast became objects of the post-war Soviet government's religious policy. **Goals.** The article attempts a review of conditions experienced by Tuva's faith communities in the context of the 1940s Soviet religious policy. **Materials and methods.** The study focuses on documents housed by the State Archive of Russia. The newly introduced archival materials cast light on some features inherent to relations between aforementioned communities and government agencies at national and regional levels. Special attention is given to activities of local religious associations and their clergy. **Results.** The complex, non-linear and ambiguous post-war religious policy aimed at using faith associations in the interests of government resulted in that only Orthodox Christians succeeded in obtaining official registration and the opportunity to conduct legal religious activities. The remaining believers — including the overwhelming Buddhist majority of Tuva — would fail to obtain any official permission for legal existence and had to operate illegally. The paper reviews available historical documents to partially restore the history of faith institutions and the chronology of corresponding events related to religious life across the region in the period under consideration.

Keywords: government's religious policy, Tuvan Autonomous Oblast, USSR, faith communities, Buddhism, Orthodox Christianity, Old Believers, Baptism

Acknowledgments. The reported study was granted by Russian Science Foundation, project no. 23-18-00117 'Influences of the Imperial Acculturation Policy and the Soviet Government-Religion Relations Model on Faith Communities across Border Regions and Ethnic Autonomies of Asian Russia'.

For citation: Dashkovskiy P. K., Mongush A. V. Faith Communities of Tuva and the Mid-1940s Shaping of the Soviet Government-Religion Relations System. *Oriental Studies*. 2024; 17 (3): 525–539. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-525-539

1. Введение

В отечественной науке в последние годы возрастает интерес к изучению истории государственно-конфессиональных отношений в России, в том числе советского периода. Конфессиональной политике СССР и результатам ее влияния на религиозные общины в стране в целом и отдельно по регионам посвящена обширная историография, которая может стать предметом самостоятельного изучения. При этом положение религиозных общин в Туве, после ее вхождения в состав СССР в 1944 г., остается одной из малоизученных тем.

Некоторые аспекты государственно-конфессиональных отношений в Туве в советский период частично затронуты в работах [Хомушку 1988: 24–28; Монгуш 2001: 91–105; Опей-оол 2007: 69–80]. В то же время многие аспекты правового, социально-экономического положения конфессий и особенности государственного регулирования религиозных процессов в регионе остаются неисследованными. Целью настоящей статьи является освещение результатов исследования положения религиозных общин в Туве в контексте государственно-конфессиональной политики СССР в середине 1940-х гг.

Исходя из поставленной цели, необходимо решить следующие задачи: установить общие и особенные черты становления советской системы регулирования государственно-конфессиональных отношений на территории Тувы — нового субъекта СССР в статусе автономной области; определить религиозные процессы среди населения региона с момента включения его в новое правовое и социокультурное пространство Советского государства; рассмотреть религиозные общины Тувинской автономной

области в сравнительном аспекте с другими регионами страны; охарактеризовать деятельность буддийских, православных, старообрядческих и протестантской общин и советских государственных органов власти.

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составили нормативно-правовые документы рассматриваемого периода и архивные материалы из фонда «Совет по делам религий при Совете Министров СССР» Государственного архива Российской Федерации. Важно отметить, что многие архивные материалы вводятся впервые в научный оборот.

Применение принципов историзма и системности позволило установить особенности взаимоотношения религиозных общин Тувы и государственных органов власти центрального и регионального уровней. Руководствуясь принципом объективности, удалось представить взвешенный подход для характеристики становления институтов советской государственно-конфессиональной системы в Туве.

3. Государственное регулирование религиозных процессов в регионе

Еще до вступления Тувы в СССР в советской системе государственно-конфессиональных отношений наметились серьезные перемены в сторону смягчения религиозной политики. В 1943–1945 гг. в стране был пересмотрен ее курс и принят ряд постановлений СНК СССР, касающихся различных сторон религиозной жизни. В рамках изменения курса государственно-конфессиональной политики достаточно оперативно был восстановлен институт патриаршества в Русской православной церкви, а также разработана программа официального воз-

рождения церковной жизни в СССР [Горбатов 2008: 115; Сеницын 2013: 75].

При Совете Народных комиссаров (с 15 марта 1946 г. преобразуется в Совет Министров) СССР (далее — СНК СССР, СМ СССР) в начале 1943 г. создан Совет по делам русской православной церкви, а затем в 1944 г. Совет по делам религиозных культов. Их задача состояла в осуществлении связи между советскими и религиозными организациями, а также на первых порах содействие духовенству в восстановлении религиозных институтов [Одинцов, Чумаченко 2013: 10–315; Сеницын 2012; и др.].

В Туве, после ее вхождения в состав Советского Союза, наблюдалась заметная активизация религиозной жизни среди населения, которое теперь включалось в новое правовое и социокультурное пространство. Тем временем в других буддийских советских регионах (в Бурят-Монгольской АССР и Читинской области) из-за поворота государства в сторону религии, также наблюдался подъем религиозности населения. Намечавшаяся тенденция стала вызывать тревогу у государственных и партийных работников [Горбатов 2008: 344].

Советская система регулирования государственно-конфессиональных отношений постепенно распространилась и в Тувинской автономной области. В то же время, следует отметить, в регионе в рассматриваемый период на должности уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви СМ СССР и уполномоченного Совета по делам религиозных культов СМ СССР не сразу были назначены ответственные лица из-за отсутствия подходящих и компетентных в религиозных вопросах кандидатур. Вся переписка с двумя Советами велась разными специалистами области. Об этих фактах свидетельствуют архивные материалы, датируемые 1946, 1947, 1950, 1952 гг. [ГА РФ. Р-6991. Оп. 1. Д. 208. Л. 1–2; ГА РФ. Р-6991. Оп. 1. Д. 616. Л. 1, 3; ГА РФ. Р-6991. Оп. 2. Д. 20. Л. 101; ГА РФ. Р-6991. Оп. 3. Д. 586. Л. 1, 2, 5; ГА РФ. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 1].

Совет по делам русской православной церкви СНК (СМ) СССР и Совет по делам религиозных культов СМ СССР отпразднали

в Туву письма и телеграммы о неурегулированности религиозных процессов среди верующей части населения нового субъекта страны. В своих письмах сотрудники указанных Советов просили руководство Тувинской автономной области скорейшего назначения в регионе на постоянной основе их уполномоченных [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 208. Л. 1, 2; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 616. Л. 1; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 586. Л. 1, 2, 7].

Нерешенность кадрового вопроса приводила к тому, что нередко в один Совет отчитывался уполномоченный, который являлся представителем другого [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 208. Л. 2; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 616. Л. 3; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 586. Л. 5; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 1].

У автохтонного населения Тувинской автономной области — тувинцев — исторически доминирующей религией являлся буддизм, а традиционной системой верований — шаманизм [Кенин-Лопсан 2009: 11–235; Монгуш 2001: 25–240; Ондар 2017: 9–112; и др.].

У русскоязычного населения региона получили распространение общины Русской православной церкви, старообрядцев, а также одно из направлений протестантизма — баптизм. Последователи христианства внесли заметное разнообразие в конфессиональный состав региона, начиная со второй половины XIX в., когда в этом крае начали оседать русские крестьяне-переселенцы из Российской империи [Монгуш 2015: 159–170; Татаринцева 2006: 10–150; Татаринцева, Моллеров 2016: 20–210; Стороженко 2004: 6–20; Монгуш 2021: 140–155].

На момент образования нового субъекта СССР на его территории не осталось официально действующих *хурээ* (храмов), церквей или молитвенных домов. Религиозные общины и их духовные лица ранее, в период существования Тувинской Народной Республики, подверглись жесткой репрессии и антирелигиозной пропаганде. Ее религиозная политика велась по советскому образцу, поэтому буддийские храмы и монастыри практически все повсеместно были уничтожены. Только в Дзун-Хемчикском кожууне (районе) уцелела часть стен от Верх-

не-Чаданского хурээ [Терентьев 2014: 111; Горбатов 2008: 341].

Культовые здания других религиозных направлений были не разрушены, но закрыты. Так, была закрыта церковь православных верующих в г. Туране в Пий-Хемском районе, молитвенный дом баптистов в областном центре — г. Кызыле, молитвенный центр старообрядцев в пос. Медведевке в Каа-Хемском кожууне [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 208. Л. 1; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 20. Л. 100; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 2–3].

С вхождением Тувы в состав СССР и началом реализации на ее территории советской государственно-конфессиональной политики Совет по делам русской православной церкви при СНК СССР, который учредили раньше, чем Совет по делам религиозных культов при СНК СССР, столкнулся с тем, что для применения специальных постановлений в Тувинской автономной области на учете не оказалось ни одной православной общины. Аналогичная ситуация наблюдалась в отношении и других вероисповеданий, последователи которых не имели ни одной зарегистрированной общины на территории Тувы. В 1945 г. православная община г. Турана — районного центра Пий-Хемского кожууна — подала ходатайство об открытии церкви имени святителя Иннокентия Иркутского и получила утвердительный ответ. Совет по делам Русской православной церкви при СНК СССР, согласно заключению Тувинского облисполкома и заявлению верующих, а также постановлению СНК СССР от 27 июля 1945 г., разрешил ее открыть. Данный орган направил «секретной почтой» в область инструкцию о порядке оформления открытия церкви. Кроме этого, с ней было направлено письмо от 19 сентября 1947 за № 4701, разрешающее открытие Иннокентьевской церкви [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 20. Л. 100; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 208. Л. 1; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 616. Л. 2].

Аналогичная тенденция по открытию некоторых культовых объектов наблюдалась и в других регионах. Сибири. Так, в 1945 г., например, в Алтайском крае возобновили деятельность Покровская церковь в

с. Ново-Перуново, Вознесенская церковь в с. Шипуново, Свято-Дмитриевская церковь в Алейске и Болотнинский молитвенный дом в Новосибирской области. В 1946 г. удалось открыть Михаило-Архангельский храм в с. Рубцовск и Троицкий храм в с. Плешково Алтайского края, а также храмы в селах Колывань и Ново-Луговское Новосибирской области [Дашковский, Зиберт, 2020: 67–68].

Помимо Туранской церкви, православная часть населения г. Кызыла планировала постройку и открытие нового храма. Совет по делам Русской православной церкви при СМ СССР выдал положительное решение о начале его строительства на основе заявления Тувинского облисполкома, ходатайства верующих г. Кызыла и соответствующего распоряжения Совета Министров СССР от 20 июля 1946 г. [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 20. Л. 101; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 208. Л. 1; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 616. Л. 2]. Впоследствии он будет назван именем Живоначальной Троицы (другие названия: Свято-Троицкий храм, Свято-Троицкая церковь, Троицкая церковь).

Весьма интересен факт регистрации православных общин до назначения ответственного уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР, поскольку в области только в 1947 г. учредят должность уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СМ СССР, и далее он будет выполнять функции двух разных уполномоченных [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 586. Л. 5; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 1].

Документы для регистрации православных обществ региона на рассмотрение в Совет по делам Русской православной церкви при СНК подавали работники Тувинского облисполкома [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 20. Л. 101]. В рамках религиозной структуры православные общины области относились к Новосибирской и Барнаульской епархии Московской патриархии, хотя и в предшествующие периоды истории региона они обслуживались епархиями Русской православной церкви соседнего Российского государства.

Деятельность Иннокентьевской церкви

охватывала г. Туран и 6 деревень Пий-Хемского кожууна области. Ее настоятелем, как и в период Тувинской Народной Республики, был священник Андрей Чуликов [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. Д. 616. Л. 2; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 3, 14].

Количество верующих в общине, по официальным данным, доходило до 220 человек. За 1948–1949 гг. отмечались случаи венчаний в церкви новобрачной молодежи и крещения детей [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 3; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 616. Л. 2].

Кызылской церкви еще до окончания ее строительства разрешили иметь священника [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 208. Л. 1]. С 14 августа 1948 г. по 17 мая 1949 г. настоятелем был архимандрит Игнатий (Иван Демченко), направленный Новосибирским и Барнаульским архиепископом Варфоломеем (в миру — Сергей Городцов). Затем архимандрит Игнатий скомпрометировал себя среди верующих, поскольку занимался пьянством, растаскивал церковные деньги и по настоянию верующих вынужден был уехать обратно в Новосибирск [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 616. Л. 2–3].

Аналогичные случаи неэтичного поведения священнослужителей фиксировались и в других регионах Сибири. Например, жалобы о распутном образе жизни религиозных деятелей поступали от прихожан Троицкого молитвенного дома г. Славгорода, Михаило-Архангельской церкви г. Рубцовска, молитвенного дома г. Камня-на-Оби, церквей в селах Троицком и Петровском Алтайского края [Дашковский, Зиберт 2020: 71].

После архимандрита Игнатия Кызылскую церковь начал обслуживать священник Туранской церкви Андрей Чуликов, в ведении которого теперь были и верующие областного городского центра и Кызылского сельского района [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 616. Л. 3; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 4, 14]. Он также проводил требы в других кожуунах области по просьбе православной части населения из этих районов.

В Кызылской церкви, по официальным данным за 1949 г., количество верующих доходило до 200 человек. С 28 мая 1948 г. по

7 июля 1949 г. «в этой, еще не законченной строительством, церкви крестили 224 ребенка» [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 4; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 616. Л. 3]. В возведении храма участвовало православное население области, внося денежные пожертвования на его строительство. В этих двух официально зарегистрированных православных общинах имелись Церковные советы по 5–7 человек и Ревизионная комиссия по 3 человека [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 616. Л. 3; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 14]. Православные верующие, имеющие официально зарегистрированные общины, в своих действиях обязаны были не допускать нарушений религиозного законодательства [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 616. Л. 1].

В соответствии с советским законодательством верующая часть населения страны любого вероисповедания могла зарегистрировать религиозную организацию, пройдя установленную процедуру в государственных инстанциях, и вести деятельность. Правда, данный процесс характеризовался бюрократическими сложностями и мог длиться достаточно долго [Дашковский, Зиберт 2020: 68]. Более того, в реальной жизни верующие, которые хотели официально зарегистрировать свою общину, часто получали отказ под различными предлогами и тем самым были вынуждены находиться на нелегальном положении.

Такая ситуация была характерна и для Тувинской автономной области в отношении религиозных общин в изучаемый период. Это хорошо видно из отчетных документов, в одном из которых уполномоченный Совет по делам религиозных культов при СМ СССР И. Бадра лаконично заметил, что «никто им не разрешал, и никто не запрещал» вести религиозную деятельность [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 586. Л. 4]. Правда, таким образом в своей докладной записке Совету он описывал ситуацию в области в отношении буддийских общин, но именно эта его фраза характеризует положение и деятельность и других общин в регионе — старообрядческих и протестантской (баптистской).

В функции уполномоченного Совета по

делам религиозных культов при СМ СССР по Тувинской автономной области, должность которого учредили в регионе в 1947 г., входила работа с общинами буддистов, евангельских христиан-баптистов и старообрядцев, а также православных объединений, поскольку в регионе отсутствовал уполномоченный другого государственного органа — Совета по делам Русской православной церкви при СМ СССР. В данной области верующие столкнулись с ущемлением их конституционного права на свободное отправление религиозных культов, что нашло отражение в различных документах рассматриваемого периода. В частности из архивных материалов видно, что в регионе очень часто происходили нарушения местной властью по разным причинам статьи № 124 основного закона государства — Конституции СССР 1936 г. В ней говорится, что «свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами» [Конституция СССР 1936].

Православные общины, поскольку получили право официально вести свою деятельность, существовали в регионе на законных основаниях, и их священнослужители на этой территории свободно обслуживали православных верующих по их просьбе до ужесточения государственно-конфессиональных отношений. Совет по делам Русской православной церкви при СМ СССР почти до конца исследуемого периода не был как следует осведомлен о положении и деятельности православных общин в области из-за отсутствия его уполномоченного, который вел бы наблюдение и давал подробную информацию [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 616. Л. 1; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 586. Л. 5; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 1]. Но, если сообщать факты на опережение, затем перемещения православных священнослужителей по области ограничили, а значит и их права в последующем также нарушались.

4. Положение буддийских и христианских общин

Важным центром буддийского вероисповедания в Тувинской автономной области являлась местность Кызыл-Чыра Баян-Та-

линского сельсовета Дзун-Хемчикского кожууна (близ г. Чадана) [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 21; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 3; Опей-оол 2007: 70].

Настоятелем буддийской общины, образованной в 1946 г., был лама Амырта Хомушку [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 3; Хомушку 1988: 24]. Там располагались юрты во главе с молитвенной юртой с буддийским названием «Кандан Тишкин», деятельность которой охватывала в основном западные кожууны Тувы (Дзун-Хемчикский, Барун-Хемчикский, Бай-Тайгинский, Сут-Хольский и Овюрский) [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 586. Л. 5; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 2, 7, 23; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 3].

М. В. Монгуш отмечала, что недалеко от Чаданской долины в местности Теве-Хая ставились юрты и молитвенные дома по инициативе Чымба Монгуш [Монгуш 2001: 121]. Практика создания или перенесения своеобразного буддийского культового объекта в виде юрты с одного места на другое можно назвать обычным делом для тувинцев-кочевников. Следовательно, молитвенные юрты ламы могли в одночасье поставить в любой местности западных районов Тувы.

С началом возрождения религиозной жизни в Туве среди ее населения, помимо организованной в небольшую группу буддийских духовных лиц, широко развернули деятельность так называемые бродячие ламы [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 586. Л. 8; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 2]. Они разъезжали по районам области и совершали религиозные обряды по приглашению верующих на дому. Вместе с ними советское законодательство по отношению к религии стали нарушать шаманы, которые начали активно совершать разные ритуалы [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 586. Л. 5].

Примечательно, что шаманизм в информационных отчетах Тувинской автономной области в Совет по делам религиозных культов при СМ СССР часто указывался как «разновидность буддизма» [Хомушку 1988: 24]. Поскольку шаманам присуща индивидуальная деятельность и было не характерно принятие какой-либо организационной

формы и единой политики для собственного развития в обществе, то за ними со стороны местных органов власти в исследуемый период не велся активный учет, как за ламами.

В 1946 г. буддийское духовенство молитвенной юрты Дзун-Хемчикского кожууна подавало ходатайство о ее официальном открытии, но их просьба о регистрации религиозного объединения не рассматривалась Советом по делам религиозных культов при СНК СССР из-за неправильного оформления документов, которые не соответствовали требованиям постановления СНК СССР от 19 ноября 1944 г. за № 1603 [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 586. Л. 2, 7–8].

После этого повторные заявления лам об открытии молитвенной юрты отклонялись по причине, что у них нет настоящего молитвенного дома. По мнению тувинского руководства, она не годилась для открытия религиозного учреждения, и, следовательно, ее официально регистрировать было нельзя [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 1–2, 9; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 4–5]. Кроме них, ламы Барун-Хемчикского и Бай-Тайгинского кожуунов не смогли получить от местной власти разрешения на строительство буддийского храма в Аксы-Барлыкском сумоне в местечке Тар-Узук, а буддийские духовные лица из Чаданского, Хондергейского и Хайыраканского сумонов Дзун-Хемчикского кожууна безрезультатно просили разрешение построить хурээ на месте бывшего Верхне-Чаданского хурэ [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 21–22].

Следует подчеркнуть, что большинство инициатив буддистов законно поставить молитвенные юрты и построить капитальные здания для отправления религиозных обрядов не поддерживались региональной властью. В результате в области фиксировались случаи деятельности последователей буддизма без соответствующих разрешений. Так, например, по данным за 1947 г., известно, что без разрешения региональных властей на территории Барун-Хемчикского кожууна в местечке Аксы-Барлык функционировали юрты во главе с молитвенной юртой [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 586. Л. 4–5; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 7].

30 мая 1947 г. Уполномоченный Сове-

та по делам религиозных культов при СМ СССР по Тувинской автономной области И. Бадра сообщал, что в области пока нет изменений в деле буддийского вероисповедания, но «до этого (имеется в виду в 1946 г. — Д. П., М. А.) около 20 лам (согласно требованиям советского законодательства) собирались в двух местах (в Дзун-Хемчикском и Барун-Хемчикском районах. — Д. П., М. А.) открыть хуре, которые по прежнему в двух юртах с 200 верующими проводят религиозные церемонии (в местечках Кызыл-Чыра Дзун-Хемчикского кожууна и Аксы-Барлык Барун-Хемчикского кожууна. — Д. П., М. А.)» [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 586. Л. 4].

С 21 по 23 мая 1946 г. в г. Улан-Уде Бурят-Монгольской АССР состоялось учредительное собрание буддийских лам по вопросу организации единой буддийской религиозной структуры, где по приглашению участвовали делегаты и от Тувинской автономной области. По результатам его работы было создано Центральное духовное управление буддистов (ЦДУБ) СССР, которое должно было регулировать религиозную деятельность буддистов советского государства. Лубсан-Нима Дармаев, получивший титул XVII Пандидо хамбо-ламы, стал его председателем, а Амырта Хомушку из Тувы — одним из четырех заместителей председателя с присвоением духовного сана Дид хамбо-лама [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 586. Л. 3]. Амырта Хомушку на этом совещании «пытался провести линию на обособленное существование буддистов Тувы» [Хомушку 1988: 24].

В 1947 г. Л.-Н. Дармаев получил письмо от А. Хомушку о том, что буддисты Тувинской области открыли храм (сумэ), где приступили к совершению молебствий 16 лам и более 30 хувараков [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 686. Л. 8]. А. Хомушку, имевший буддийское монастырское образование, был авторитетным и влиятельным среди лам области и лидером буддистов Тувы.

Правительство СССР в рассматриваемый период изначально предполагало поставить на учет буддийскую общину Тувы, как и в других регионах страны. Еще до создания ЦДУБ СССР, когда инициативной

группой лам Бурят-Монгольской АССР планировался съезд лам всех буддийских регионов страны, в феврале 1946 г. Совет по делам религиозных культов при СНК СССР просил Тувинский облисполком оказать содействие делегации в деле выезда ее на совещание в Улан-Удэ к назначенному сроку [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 586. Л. 1].

В августе 1946 г. сотрудники указанного центрального органа высылали в Туву для руководства копию постановления СНК СССР «О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов» от 19 ноября 1944 г. и Инструкцию для Уполномоченных Совета [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 586. Л. 2]. Совет просил местные органы власти правильно оформить и повторно отправить документы буддийской общины для рассмотрения возможности ее зарегистрировать «в том случае, если заявители продолжают ходатайствовать об открытии сумэ» [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 586. Л. 2, 7–8], и даже приводил им в качестве примера Бурят-Монгольскую АССР, где в 1945 г. открыли Хамбинский сумэ в улусе Средняя Иволга, ставший затем резиденцией главы ЦДУБ СССР [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 586. Л. 3, 8].

Следует отметить, что буддийские центры постепенно восстанавливались в послевоенный период и в других регионах Сибири. В частности в 1946 г. в Читинской области вновь начал действовать Агинский дацан [Тереньев 2014: 146; Горбатов 2008: 341].

По поводу получения в Туве православными верующими официального разрешения на открытие Туранской церкви и строительство Кызылской церкви, а также отказов в аналогичном праве буддистам можно отметить несколько моментов. Во-первых, ключевую роль в открытии Туранской церкви и строительства Кызылского храма, возможно, сыграл архиепископ Новосибирской и Барнаульской епархии Варфоломей, благодаря которому в Сибири были открыты многие приходы [Гаврилов 2006: 25; Дашковский, Зиберт 2020: 65]. Он умел выстраивать отношения с советскими чиновниками центрального и регионального уровней, что позволило добиться решения многих про-

блем, связанных с укреплением позиции православия в Новосибирске и других населенных пунктах Сибири [Гуляев 2020: 197].

Так, в 1943 г. стал вновь функционировать Покровский собор г. Бийска, в 1944 г. зарегистрированы общины в Вознесенской (Туруханской) церкви г. Новосибирска, Покровском соборе г. Барнаула и Петропавловском соборе г. Томска [Сосковец 2003: 57].

Во-вторых, возможно, православным общинам удалось узаконить свое существование на волне поддержки приходов не столько внутри страны, хотя православным верующим позволяли открывать церкви на заявительной основе, а сколько на оккупированных территориях советскому руководству на бывших занятых немцами территориях, где вновь восстанавливался советский режим, пришлось признать религиозную действительность, «дарованную» немцами. Выражалось это в том, что чиновники с верующими считались, а их культовые здания не все, но все же открывались и регистрировались как действующие. В этой связи 1945 г. являлся годом открытия максимального количества храмов [Синицын 2017: 228–229].

В присоединенной без кровопролитий к СССР Туве, где есть православное население, нужды православной общины удовлетворялись в предшествующие годы Русской православной церковью. На наш взгляд, такой же подход мог быть применен в отношении нового и неизвестного для Совета по делам Русской православной церкви при СМ СССР субъекта — Тувинской автономной области, где устанавливался отныне полный советский режим. Так, в январе 1947 г. заместитель председателя Совета по делам Русской православной церкви при СМ СССР С. К. Белышев давал уполномоченному Совету по делам религиозных культов И. Бадра интересные указания. Иннокентьевскую церковь в Пий-Хемском кожууне, хотя она постановлением СНК СССР от 27 июля 1945 г. на тот момент имела разрешение на открытие, он рекомендовал зарегистрировать как действующую для применения постановления СНК СССР «О порядке открытия церквей» от 28 ноября 1943 г. Все ранее изъятые Горсоветом г. Ту-

рана здания церкви и культовое имущество просили вернуть на договорной основе общине верующих в бессрочное и бесплатное пользование, послав соответствующее уведомление в трехдневный срок [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 208. Л. 1; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 20. Л. 100].

Кроме того, в областном центре, помимо разрешения на строительство и открытие церкви, местную власть проинструктировали не препятствовать общине начать свои действия и иметь священника в настоящее время, не ожидая строительства церкви [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 208. Л. 1, 2].

Что касается буддийских общин, то есть следующие предположения. Во-первых, местная власть, несмотря на постановления в пользу религиозных обществ и поддержку ЦДУБ СССР, не шла на уступки буддистам и всячески препятствовали ламам в получении официального разрешения на существование в регионе из-за недавнего опыта их гонения и репрессивной политики Туvinской Народной Республики. Они видели в буддийском духовенстве, как и прежде, «пережитки» прошлого общества и противников новой строящейся коммунистической реальности. С одной стороны, региональные власти, по всей вероятности, не верили в будущее буддизма в области, а с другой — испытывали опасение за возрождение их бывшего влияния на туvinское население, подорванного в связи с распространением светских идей и антирелигиозной пропаганды, имевшей место в предшествующий период. Исторически сложилось, что буддизм составлял духовную основу туvinского общества, а буддийское духовенство было представлено во власти [Харунова 2011: 108–109].

В 1947 г. в переписке с Советом по делам религиозных культов при СМ СССР уполномоченный по Туvinской автономной области И. Бадра, несмотря на то, что он писал об отсутствии изменения в буддийском вероисповедании, все же, излагая весьма серьезные намерения буддийского духовенства и явную активизацию буддийских общин, заявлял, что лам в области мало и они не смогут в этом и в следующем году построить храм [ГА РФ. Ф. Р-6991.

Оп. 3. Д. 586. Л. 4]. В докладной записке свое видение он мотивирует невозможностью их отрыва от сельского хозяйства и перехода непосредственно в хурээ (будь тот молитвенной юртой или капитальным зданием хурэ) [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 586. Л. 4].

Недооценивались при этом активные действия Амырта Хомушку в деле развития буддийских общин в западных кожуунах и во всей Туве в целом. Так, И. Бадра также писал: «Руководитель лам Дэ-Хамба Амырта, хотя он был на совещании лам в Улан-Удэ, но не знает направления своей работы, в результате чего он не справляется с своей должностью» [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 586. Л. 5].

Туvinские чиновники готовы были даже допустить регистрацию молитвенной юрты, чтобы не позволить распространения религиозной агитации в регионе в то время, когда ламы инициировали и хотели организовать строительство хурэ в Барун-Хемчикском районе. В названном документе написано о том, нельзя ли ламам до постройки хурээ в Дзун-Хемчикском кожууне разрешить функционирование юрт, выдав официальный документ на право их использования в качестве молитвенного места [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 586. Л. 5]. Во-вторых, мы допускаем факт того, что на первых порах Туvinским облисполкомом буддийской общине вначале было дано какое-либо разрешение (в устной или письменной формах) на существование и ведение деятельности еще до назначения официальной должности уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по Туvinской автономной области. Ситуация была такой, что из-за нерешенности кадрового вопроса и отсутствия делопроизводственного порядка буддистам не удалось своевременно воспользоваться сложившейся хоть и на короткий период благоприятной обстановкой в стране и зарегистрировать свою религиозную общину.

Кроме православных и буддийских общин, в этот период в Туве действовали и протестанские объединения. В частности относительно крупная община евангельских христиан-баптистов находилась в

областном центре — г. Кызыле, руководил которой пресвитер Аксентий Ткаченко [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 1; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 4].

В 1948 г. верующие в количестве 39 человек обращались в Тувинский облисполком с заявлением, в котором просили разрешить им открыть молитвенный дом, ранее закрытый вследствие государственной-конфессиональной политики Тувинской Народной Республики. Но облисполком их просьбу через год отклонил, так как арендованное верующими помещение по своим размерам и санитарно-техническому состоянию не соответствовало требованиям, предъявляемым к молитвенным домам. После получения отказа от местных властей на начальной стадии рассмотрения их просьбы баптисты временно прекратили свои действия по открытию молитвенного помещения для отправления совместного религиозного культа [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 1, 24]. Верующие этого религиозного направления были и в других городах — Туране, Чадане, Шагонаре, а также в районных центрах Бай-Хаке и Знаменке (ныне — Сарыг-Сеп) и селе Огневка (ныне — Хову-Аксы).

В Тувинской автономной области религиозные объединения староверов, которые исторически, как правило, делились на толки и согласия, находились в Каа-Хемском, частично в Тоджинском, Тандынском и Тес-Хемском районах. В рассматриваемый период местная власть делила старообрядцев на две не связанные между собой группы: общину старообрядческой церкви (белокриницкого согласия) и «секту» старообрядцев-беспоповцев [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 34]. Первая община, согласно направляемым из области документам в Совет по делам религиозных культов при СМ СССР, находилась в пос. Медведевке Каа-Хемского кожууна, а ее деятельность охватывала районный центр Знаменку, деревни Даниловку и Грязнуху [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 2, 34–35; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 12].

В 1945 г. члены общины в количестве 79 человек подавали заявление с просьбой о разрешении возобновления деятельно-

сти закрытого в период Тувинской Народной Республики молитвенного дома. Однако их просьба не была удовлетворена, так как молитвенное здание требовало капитального ремонта и у него не было настоятеля. После этого отказа они временно не поднимали данный вопрос, но старообрядческое объединение продолжило свою деятельность без регистрации [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Л. 2, 34–35]. Одновременно верующие в своем прошении просили содействия у местных органов в приглашении для них священника. В августе 1947 г. в поселок прибыл старообрядческий священник Богомолов, который являлся их настоятелем до 1948 г. В 1947 г. избирается Церковный совет из 3 человек. Члены Церковного совета также, составив список из 20 верующих, пытались просить Тувинский облисполком разрешить открыть церковь и проводить в ней богослужения. После Богомолова проведение служб и обрядов в церкви стал возглавлять их староста, чтец И. П. Голубцов [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 23–24, 35; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 12].

Согласно информационным отчетам уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по Тувинской автономной области Б. Тагба, так называемая «секта» старообрядцев-беспоповцев в основном охватывала верующее население Бельбейского и Ильинского сельских советов Ка-Хемского кожууна. Эта община не имела специальной церкви или молитвенного дома [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 3, 12]. Больше всего верующих этой общины было в Бельбее. Все богослужения проводились группами верующих по домам под руководством чтецов-наставников [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 36].

Старообрядцев-беспоповцев стали обозначать в официальных документах «сектой» из-за того, что они в предшествующий период проявляли большой фанатизм и препятствовали успешному проведению среди населения таких государственных мероприятий, как паспортизация, призыв в Красную Армию и др. В Бельбее существовали скиты, обитателей которых обвиняли в укрытии в тайге и нелегальном существовании в це-

лом. После вхождения Тувы в состав СССР в 1946–1947 гг. были случаи проявления прежнего поведения старообрядцев. Кроме того, зафиксированы случаи, когда они, как в предшествующий период, уходили в бега и обратно возвращались домой осенью [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 37–38; ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 5, 13].

Таким образом, в период с 1946 г. по 1947 г. в Тувинской автономной области активизировались верующие всех религиозных направлений, которые активно подавали ходатайства на открытие культовых зданий. В период смягчения государственно-конфессиональных отношений к официальной регистрации была допущена только одна из трех христианских конфессий меньшей части населения области — русских, а именно общины Русской православной церкви Московского патриархата. Другие два направления, которых также придерживалось русскоязычное население — старообрядчество и баптизм, как и основная религия подавляющей части населения региона — буддизм, не получили поддержки со стороны местной власти.

Воодушевленные переменами в религиозной политике СССР в послевоенные годы жители Тувы столкнулись с нарушениями их конституционного права, которое де-юре каждому советскому человеку гарантирует свободное вероисповедание, однако де-факто не всегда и не всем его разрешает. Буддийским, старообрядческим и протестантской общинам не удалось поставить на учет их культовые объекты и зарегистрировать свои общины, но они вели «незаконную» деятельность. Старообрядцы-беспоповцы за «фанатические» реакции на большевистские мероприятия в предшествующий период были отнесены к сектантским религиозным объединениям.

5. Заключение

Вступление Тувы в состав СССР в период сложной геополитической ситуации в военные годы интереснейшим образом сыграла свою роль на положении в регионе религиозных общин. Перемены в религиозной политике Советского Сою-

за, наметившиеся еще в период Великой Отечественной войны, отразились на государственно-конфессиональных отношениях нового субъекта СССР — Тувинской автономной области и имели свои общие и особенные черты. В рамках демонстрации Советским Союзом лояльного отношения к религии на мировой арене православным верующим недавней независимой Тувинской Народной Республики удалось получить официальную регистрацию и, соответственно, возможность вести законную религиозную деятельность. В период смягчения конфессиональной политики советского государства в отношении религиозных объединений Тувы использовался специальный подход, который практиковался применительно к православным общинам на территориях, ранее оккупированных гитлеровскими войсками. Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР давал Тувинской автономной области конкретные указания на официальное и беспрепятственное существование ее православных обществ. Православные общины на начальном этапе распространения советской системы государственно-конфессиональных отношений в Туве в связи с отсутствием ответственного уполномоченного Совета по делам русской православной церкви при СМ СССР были под наблюдением у уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СМ СССР. Тувинский облисполком на первых порах не препятствовал в развитии на ее территории православия, но затем, в связи с утратой актуальности использования конфессий на международном уровне в послевоенные годы, наблюдалось свертывание временной, «благоприятной» для религиозных общин, конфессиональной политики и ее ужесточение.

К общим чертам в регионе, включенном в состав СССР, можно отнести становление системы государственного контроля за религиозными процессами и изучение общин верующих. Но эта система в Туве отличалась тем, что на начальном этапе не был назначен уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви СНК (СМ) СССР, функции которого по мере возмож-

ности выполнялись уполномоченным Советом по делам религиозных культов при СНК (СМ) СССР.

Спецификой осуществления послевоенной государственно-конфессиональной политики СССР в Тувинской автономной области является то, что на протяжении всего рассматриваемого периода другим религиозным направлениям пришлось существовать на нелегальном положении и вести незаконную деятельность независимо от ее смягчения или дальнейшего ужесточения. Местные органы власти и уполномоченный Совет по делам религиозных культов при СМ СССР в регионе под разными предлогами отказывали их правовому оформлению. Партийные и государственные деятели края не могли позволить легализацию буддийских общин, поскольку в недавний период их самостоятельного определения религиозной политики в Тувинской Народ-

ной Республике они до основания, не считая уцелевшую часть стен Верхне-Чаданского хурэ, разрушили все буддийские храмы. Тувинские чиновники опасались лам и их возможного влияния на население области. Тем не менее ламы Тувы в этот период без какого-либо разрешения на официальную деятельность разворачивали ее достаточно активно преимущественно в западных районах области. Позитивные изменения государственно-конфессиональных отношений в СССР в послевоенные годы коснулись ее православных общин в части их юридического статуса и временного ведения относительно свободной, но контролируемой деятельности. Вопрос об официальной регистрации и законного существования буддийских, старообрядческих и протестантских общин в регионе на протяжении рассматриваемого отрезка времени остался не разрешенным.

Источники

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации.

Sources

State Archive of the Russian Federation.

Литература

- Гаврилов 2006 — *Гаврилов В.* Новосибирская епархия: история и современность. Новосибирск: Новинвест плюс, 2006. 256 с.
- Горбатов 2008 — *Горбатов А. В.* Государство и религиозные организации Сибири в 1940–1960-е годы. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2008. 408 с.
- Гуляев 2020 — *Гуляев В. В.* Начало служения митрополита Варфоломея (Городцова) на Новосибирской и Барнаульской кафедре (1943–1947) // *Церковный историк.* 2020. № 2 (4). С. 196–213.
- Дашковский, Зиберт 2020 — *Дашковский П. К., Зиберт Н. П.* Государственно-конфессиональная политика на юге Западной Сибири в конце 1917 – середине 1960-х гг. Барнаул: Из-во Алт. ун-та, 2020. 140 с.
- Кенин-Лопсан 2009 — *Кенин-Лопсан М. Б.* Тувинские шаманы. М.: ИПЦ-Маска, 2009. 328 с.
- Конституция СССР 1936 — Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.) [электронный ресурс] // Конституция РФ. НПП «Гарант-сервис». URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/ (дата обращения: 05.02.2023).

- Монгуш 2021 — *Монгуш А. В.* Православие в Республике Тыва на современном этапе // *Народы и религии Евразии.* 2021. 26 (1). С. 140–159.
- Монгуш 2001 — *Монгуш М. В.* История буддизма в Туве (вторая половина VI – конец XX в.). Новосибирск: Наука, 2001. 200 с.
- Монгуш 2015 — *Монгуш М. В.* Христианские общины Тувы: краткий очерк // *Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе.* 2015. № 8. С. 159–175.
- Одинцов, Чумаченко 2013 — *Одинцов М. И., Чумаченко Т. А.* Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР и Московская патриархия: эпоха взаимодействия и противостояния 1943–1965 гг. СПб.: Рос. объедин. исследователей религии, 2013. 354 с.
- Ондар 2017 — *Ондар Т. А.* Тувинский шаманизм: социально-психологические функции. Кызыл: ТувГУ, 2017. 168 с.
- Опей-оол 2007 — *Опей-оол У. П.* К истории создания и ликвидации буддийской молитвенной юрты в Кызыл-Чыраа (г. Чадаана, Дзун-Хемчикский кожуун) с 1946 по 1960 гг. // *История и современность Тувы: сб. науч.*

- ст. к 80-летию В. П. Дьяконовой / сост. А. О. Дыртык-оол. Кызыл: Тываполиграф, 2007. С. 69–80.
- Синицын 2012 — Синицын Ф. Л. Советское государство и христианские конфессии в 1944–1945 гг. [электронный ресурс] // Мир и политика. 2012. № 5 (68). URL: <http://www.intelros.ru/readroom/mir-i-politika/5-2012/14623-sovetskoe-gosudarstvo-i-hristianskie-konfessii-v-19441945-gg.html> (дата обращения: 16.02.2023).
- Синицын 2013 — Синицын Ф. Л. Советское государство и буддисты // Российская история. 2013. № 1. С. 62–76.
- Синицын 2017 — Синицын Ф. Л. Советское государство и Русская православная церковь в 1944–1945 гг. // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: мат-лы XVI Междунар. науч. конф.: в 2 ч. / отв. ред. А. А. Корников. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2017. С. 226–230.
- Сосковец 2003 — Сосковец Л. И. Религиозные конфессии Западной Сибири в 40–60-е гг. XX в. Томск: Томск. гос. ун-т, 2003. 348 с.
- Стороженко 2004 — Стороженко А. А. Старообрядчество Тувы во второй половине XIX – первой четверти XX в.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Кызыл, 2004. 23 с.
- Татаринцева 2006 — Татаринцева М. П. Старообрядцы в Туве: историко-этнографический очерк. Новосибирск: Наука, 2006. 216 с.
- Татаринцева, Моллеров 2016 — Татаринцева М. П., Моллеров Н. М. Русские в Туве (конец XIX – первая половина XX в.): История. Этнография. Культура. Новосибирск: Наука, 2016. 296 с.
- Терентьев 2014 — Терентьев А. А. Буддизм в России — царской и советской (старые фотографии): [на рус., англ. яз.]. СПб.: Изд. А. Терентьева, 2014. 484 с.
- Харунова 2011 — Харунова М. М.-Б. Социально-политическое развитие Тувы в середине XX века. Новосибирск: Наука, 2011. 139 с.
- Хомушку 1988 — Хомушку О. М. Особенности государственно-церковных отношений в Туве (1944–1990 гг.) // Круг знания: Научно-информационный сборник. 1988. № 1. С. 24–28.
- at the present stage. *Nations and Religions of Eurasia*. 2021. Vol. 26. No. 1. Pp. 140–159. (In Russ.)
- Mongush M. V. Christian communities of Tuva: Short sketch. *Nations and Religions of Eurasia*. 2015. Vol. 8. Pp. 159–175. (In Russ.)
- Mongush M. V. History of Buddhism in Tuva, Mid-Sixth to Late Twentieth Centuries. Novosibirsk: Nauka, 2001. 200 p. (In Russ.)
- Odintsov M. I., Chumachenko T. A. Council for the Affairs of Russian Orthodox Church (at Soviet Council of People's Commissars) and Diocese of Moscow, 1943–1965: The Era Interaction and Confrontation. St. Petersburg: Russian Association for Religious Studies, 2013. 354 p. (In Russ.)
- Ondar T. A. Tuvan Shamanism: Socio-Psychological Functions. Kyzyl: Tuvan State University, 2017. 168 p. (In Russ.)
- Opey-ool U. P. How the Buddhist prayer yurt (Chadan, Dzun-Khemchiksky District) was established and demolished, 1946–1960. In: Dyrtyk-ool A. O. (comp.) Tuva: Past and Present. Collected scholarly papers. Kyzyl: Tyvapoligraf, 2007. Pp. 69–80. (In Russ.)
- Sinitsyn F. L. Soviet government and Buddhists. *Russian History*. 2013. No. 1. Pp. 62–76. (In Russ.)
- Sinitsyn F. L. Soviet government and Christian congregations in 1944–1945. *Mir i politika*. 2012. No. 5 (68). Available at: <http://www.intelros.ru/readroom/mir-i-politika/5-2012/14623->

- sovetskoe-gosudarstvo-i-hristianskie-konfessii-1944-1945-gg.html (accessed: 16 February 2023). (In Russ.)
- Sinitsyn F. L. Soviet government and Russian Orthodox Church, 1944–1945. In: Kornikov A. A. (ed.) *State, Society, Church in the History of Russia in the 20th–21st Centuries. Conference proceedings*. Ivanovo: Ivanovo State University, 2017. Pp. 226–230. (In Russ.)
- Soskovets L. I. *Religious Confessions of Western Siberia, 1940s–1960s*. Tomsk: Tomsk State University, 2003. 348 p. (In Russ.)
- Storozhenko A. A. Old Believers of Tuva, 1850s–1920s. Cand. Sc. (history) thesis abstract. Kyzyl, 2004. 23 p. (In Russ.)
- Tatarintseva M. P. *Old Believers in Tuva: An Essay in History and Ethnography*. Novosibirsk: Nauka, 2006. 216 p. (In Russ.)
- Tatarintseva M. P., Mollerov N. M. *Russians in Tuva, Late Nineteenth – Mid-Twentieth Century: History, Ethnography, Culture*. Novosibirsk: Nauka, 2016. 296 p. (In Russ.)
- Terentyev A. A. *Buddhism in Imperial and Soviet Russia: Old Photographs*. St. Petersburg: A. Terentyev, 2014. 484 p. (In Russ. and Eng.)

